

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 338.22

DOI: 10.26730/2587-5574-2026-1-11-18

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ДОХОДОВ И ВОЗМОЖНЫЕ МЕРЫ ПО ЕЕ СНИЖЕНИЮ

Доценко Е.Ю., Богданова Э.С.

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

Информация о статье

Поступила:

09 января 2026 г.

Одобрена после рецензирования:

28 января 2026 г.

Принята к публикации:

11 февраля 2026 г.

Ключевые слова: дифференциация доходов, социальная стратификация, социально-экономическое неравенство, механизмы снижения доходного неравенства.

Аннотация.

Дифференциация доходов выступает не только экономическим индикатором благосостояния, но и важнейшим социологическим маркером, определяющим положение индивида или социальной группы в иерархической структуре общества. В условиях рыночной экономики уровень доходов становится ключевым критерием доступа к ресурсам, возможностям и символическому капиталу, влияя на мобильность, самоидентификацию и степень включенности в общественные процессы. Социальное неравенство по доходу не только отражает различия, но и активно их воспроизводит, формируя устойчивые страты – слои с разным уровнем жизненных перспектив. В статье рассмотрены последствия дифференциации доходов и возможности ее преодоления. Неравенство подрывает доверие к институтам, снижает уровень потребления, ограничивает инвестиции в человеческий капитал и способствует утечке умов. Проведенный обзор государственной политики и международного опыта (Швеция, Германия, Китай) показал, что эффективное сокращение неравенства возможно только в условиях институциональной зрелости, развитой налоговой системы и стратегического подхода к социальной поддержке. Решение проблемы требует не только перераспределительных мер, но и перереформирования социально-экономической политики в сторону справедливости, равенства возможностей и поддержки человеческого капитала.

Для цитирования: Доценко Е.Ю., Богданова Э.С. Социально-экономические последствия дифференциации доходов и возможные меры по ее снижению // Экономика и управление инновациями. 2026. № 1 (36). С. 11-18. DOI: 10.26730/2587-5574-2026-1-11-18, EDN: URMAQQ

SOCIO-ECONOMIC CONSEQUENCES OF INCOME DIFFERENTIATION AND POSSIBLE MEASURES TO REDUCE IT

Elena Yu. Dotsenko, Emilia S. Bogdanova

Plekhanov Russian University of Economics

Article info

Submitted:

09 January 2026

Approved after reviewing:

28 January 2026

Abstract.

Income inequality serves not only as an economic indicator of well-being but also as a crucial sociological marker, determining the position of an individual or social group within the hierarchical structure of society. In a market economy, income level becomes a key criterion for access to resources, opportunities, and symbolic capital, influencing mobility, self-identification, and the degree of inclusion in social processes. Social inequality in income not only reflects differences but also actively reproduces them, forming stable strata – layers with different levels of life prospects. This article examines the consequences of income inequality and the possibilities for overcoming it. Inequality undermines trust in institutions, reduces consumption, limits investment in human capital, and contributes to brain drain. A review of public policy and international experience (Sweden, Germany, China) has shown that effectively reducing inequality is only possible with institutional maturity, a developed tax system, and a strategic approach to social support. Solving the problem requires

Accepted for publication:
11 February 2026

not only redistributive measures, but also a reformatting of socio-economic policies towards justice, equality of opportunity, and support for human capital..

Keywords:

income differentiation, social stratification, socioeconomic inequality, mechanisms for reducing income inequality

For citation: Dotsenko E.Yu., Bogdanova E.S. Socio-economic consequences of income differentiation and possible measures to reduce it. *Economics and Innovation Management*, 2026, no. 1 (36), pp. 11-18. DOI: 10.26730/2587-5574-2026-1-11-18, EDN: URMAQQ

1. Introduction / Введение

Социальная стратификация – это иерархическое деление общества на группы, различающиеся по доступу к экономическим, социальным и культурным благам. В современных обществах ключевым стратификационным признаком выступает доход. Он определяет не только возможности потребления, но и стиль жизни, образовательный и профессиональный маршрут, а также социальный капитал – связи, доверие, влияние [1].

В социологии Пьера Бурдьё различают три типа капитала: экономический, социальный и культурный. Доходы – ядро экономического капитала – напрямую влияют на возможность получения двух других. Например, участие в элитных образовательных траекториях (культурный капитал) или в закрытых профессиональных сообществах (социальный капитал) требует значительных финансовых вложений [2].

В России, согласно исследованию РАНХиГС, более 70% респондентов считают, что уровень доходов определяет «все» – от перспектив карьерного роста до отношения со стороны государства [3]. Так доходы превращаются в универсальный механизм социального позиционирования.

Доходное неравенство препятствует социальной мобильности и способствует воспроизводству бедности. В условиях, когда нижние слои населения лишены доступа к качественному образованию, здравоохранению, финансовым инструментам и стабильной занятости, их шансы на улучшение положения минимальны. Бедность приобретает устойчивый характер – так называемую хроническую бедность – и передается по наследству.

По данным Росстата, в 2024 году доля населения с доходами ниже прожиточного минимума составила 7,2%, что эквивалентно более 10,5 миллионам человек [4]. Эта категория населения испытывает трудности в обеспечении базовых потребностей, и, как показывают исследования Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, часто оказывается в положении социальной изоляции [5].

Кроме того, неравенство оказывает психологическое воздействие: оно порождает ощущение несправедливости, утрату контроля над жизнью, недоверие к институтам. Это, в свою очередь, снижает инвестиции в человеческий капитал и тормозит развитие общества в целом [6].

Доходы определяют возможности доступа к ключевым сферам социальной инфраструктуры: образованию, здравоохранению и жилью. Эти сферы в совокупности формируют фундамент человеческого капитала, от которого зависит конкурентоспособность как индивидов, так и государства в целом.

В системе образования доходные различия выражаются в территориальной сегрегации (различия между школами в мегаполисах и малых городах), в неравных возможностях дополнительного образования, репетиторства, поступления в ведущие вузы. По данным Высшей школы экономики, учащиеся из семей с высоким уровнем дохода в 3–4 раза чаще попадают в топовые вузы [7].

В здравоохранении неравенство проявляется в различиях доступа к качественной медицинской помощи, включая диагностику, лечение хронических заболеваний и профилактику. Граждане с низкими доходами реже проходят диспансеризацию и значительно чаще сталкиваются с задержками в оказании услуг [8].

Жилищная проблема также напрямую связана с доходами. Недостаточный доход не позволяет улучшить жилищные условия, что, в свою очередь, влияет на здоровье, образование детей и возможности трудоустройства. Например, в 2023 году более 35% российских семей тратили

свыше 40% своего дохода на оплату жилья и коммунальных услуг [9] – порог, при котором расходы на жилье считаются избыточными по международной классификации.

Дифференциация доходов не только отражает, но и формирует стратификационные процессы. Она закрепляет неравные стартовые позиции, снижает социальную мобильность и усиливает поляризацию общества, затрудняя достижение целей устойчивого развития.

2. Materials and Methods / Материалы и методы

Социально-экономическое неравенство, будучи объективной характеристикой любой рыночной системы, в определенных пределах может выступать стимулом к труду, накоплению человеческого капитала и предпринимательству. Однако чрезмерная дифференциация доходов, как показывает практика последних десятилетий, приводит к деструктивным последствиям как для общества, так и для экономики в целом. В условиях России, где коэффициент Джини в 2024 году достиг значения 0,408 [10], а коэффициент фондов превысил 15,1 [11], последствия неравенства приобретают системный характер.

Одним из наиболее опасных эффектов доходного неравенства является социальная поляризация. В обществе формируются устойчивые слои «верхов» и «низов», между которыми отсутствует не только экономическое, но и ценностное взаимодействие. В результате ослабевает чувство общности, усиливается изоляция между социальными группами, растет недоверие и социальное напряжение.

Как показал опрос Левада-Центра (2024), более 60% россиян считают, что социальное положение в стране определяется исключительно уровнем дохода, а не личными качествами или трудом [12]. Это способствует демотивации, росту зависти, протестных настроений и отчуждению от общественной жизни.

Следствие: политическая дестабилизация, рост недоверия к институтам, усиление миграционных настроений и протестной активности.

Высокая дифференциация доходов нарушает структуру потребления. Поскольку богатые склонны к сбережению, а бедные – к потреблению, увеличение доли доходов у верхнего дециля ведет к сокращению совокупного спроса. Это, в свою очередь, тормозит экономический рост. По оценкам Джозефа Стиглица, «неравенство – это не побочный эффект роста, а фактор его ограничения» [13].

Кроме того, в условиях социальной несправедливости и неравного доступа к базовым услугам (здравоохранение, образование, правосудие) снижается доверие к государственным и общественным институтам. Согласно данным ВЦИОМ, в 2024 году лишь 27% граждан считают, что государственная политика направлена на поддержку нуждающихся [14].

Следствие: сужение внутреннего рынка, ограничение инвестиций в развитие, подрыв легитимности власти и демобилизация общества.

Неравенство ограничивает доступ к ресурсам развития – качественному образованию, медицине, культурному и профессиональному росту. Особенно это проявляется в отношении детей из семей с низкими доходами, которые зачастую не имеют равных стартовых возможностей. Ситуация усугубляется в сельских территориях и депрессивных регионах, где отсутствует инфраструктура поддержки.

В условиях, когда квалификация не обеспечивает адекватной доходности, происходит отток специалистов за рубеж или в крупные мегаполисы. По данным World Bank Migration Report, Россия входит в топ-10 стран по объему миграции высококвалифицированных кадров, что свидетельствует о деформации внутренних стимулов [15].

Следствие: утрата инвестиционного потенциала в человеческий капитал, дефицит специалистов в науке и образовании, усиление регионального неравенства.

Доходное неравенство в России из экономической характеристики перерастает в структурную угрозу общественному развитию. Оно подрывает доверие к государству, ограничивает горизонт планирования граждан и ведет к эрозии ключевого ресурса XXI века – человеческого капитала. Без целенаправленной государственной политики, направленной на сглаживание диспропорций, эти процессы могут приобрести необратимый характер.

3. Results and Discussion / Результаты и обсуждение

В условиях нарастающего неравенства в доходах государственная политика перераспределения приобретает ключевое значение. Ее задача – не просто сгладить социальные диспропорции, но и создать условия для устойчивого и справедливого развития. В российской практике

механизмы перераспределения реализуются через систему налогообложения, систему социальных выплат, установление минимальных социальных стандартов, а также через комплекс целевых государственных программ.

На протяжении длительного времени в России сохранялась плоская шкала налогообложения с базовой ставкой 13%. Лишь в 2021 году была введена умеренная прогрессия – 15% на доходы, превышающие 5 млн рублей в год [16]. Однако по оценке Минфина эффект от этой меры оказался ограниченным: она затронула менее 1% налогоплательщиков и увеличила поступления лишь на 60 млрд рублей [17], что составляет менее 0,4% федерального бюджета.

В то же время система пособий и трансфертов остается основным инструментом перераспределения. В 2020–2024 гг. государство активно использовало единовременные выплаты (детям, пенсионерам, малоимущим), особенно в условиях пандемии и инфляционного давления. Например, в 2022 году были введены ежемесячные пособия для семей с детьми от 8 до 17 лет, назначаемые с учетом имущественного положения. Эти меры смягчают бедность, но не устраняют ее структурных причин [18].

Напрашивается вывод, что налогообложение в РФ носит слабо-прогрессивный характер, а социальные пособия носят преимущественно компенсаторную, а не профилактическую направленность.

Национальные проекты, особенно в сфере демографии, здравоохранения, образования и занятости, призваны повысить качество жизни и сократить дифференциацию. Так, в рамках нацпроекта «Семья» реализуются меры всесторонней поддержки родителей, заботы о репродуктивном здоровье и укреплении семейных ценностей, а также меры, направленные на развитие условий для активного долголетия старшего поколения и обеспечение качественного ухода за теми, кто в нем нуждается [19].

Минимальный размер оплаты труда (МРОТ) и прожиточный минимум являются важнейшими параметрами социальной политики. С 2023 года МРОТ был проиндексирован на 18,5%, а прожиточный минимум – на 15% [20]. Однако, как отмечают эксперты, эти параметры не всегда отражают реальные потребности: в регионах с высокой инфляцией (например, на Дальнем Востоке) установленный минимум не покрывает базовую потребительскую корзину.

Следствие: нацпроекты и минимальные стандарты позволяют сдерживать бедность, но без учета территориальной специфики и реальных цен они теряют эффективность.

Один из приоритетов текущей социальной политики – усиление адресности и цифровизации помощи. С 2022 года выплаты на детей, субсидии ЖКХ, компенсации за уход за пожилыми людьми стали предоставляться преимущественно через Единый портал государственных услуг и систему СФР (бывший ПФР и ФСС). Введена проактивная модель – назначение выплат без заявления, на основе межведомственного обмена данными.

Это снижает административную нагрузку, сокращает коррупционные риски и повышает охват нуждающихся. Однако, как отмечает Счетная палата, в ряде случаев цифровизация ведет к исключению уязвимых групп: людей без цифровых навыков, жителей отдаленных регионов, лиц без регистрации [21].

Цифровая трансформация системы перераспределения повышает ее управляемость и прозрачность, но требует адаптации для включения всех категорий населения.

Современная российская модель перераспределения строится на сочетании умеренной прогрессии, социальных трансфертов и программной адресности. Однако эффективность этих механизмов ограничена слабой налоговой базой, несоответствием минимальных гарантий реальному уровню жизни и цифровым неравенством. Для сокращения доходного разрыва требуется комплексная реформа – от налоговой системы до территориальной настройки соцподдержки.

Мировая практика предлагает широкий спектр механизмов снижения доходного неравенства, которые адаптируются с учетом национальных особенностей. В настоящем разделе рассмотрены три показательных примера – Швеция, Германия и Китай, демонстрирующие различные модели социальной политики.

Швеция традиционно демонстрирует один из самых низких уровней неравенства в мире – коэффициент Джини после налогов и трансфертов составляет около 0,27 [22]. Это достигается за счет сочетания высоких налогов (до 60% с учетом социальных взносов), обширных социальных трансфертов и доступности качественных общественных услуг, включая бесплатное образование, здравоохранение, жилье и инфраструктуру [23]. Шведская модель основана на высоком

уровне доверия к государству, прозрачности бюджетных процедур и институциональной зрелости.

Германия представляет собой модель «социальной рыночной экономики», в рамках которой сочетаются механизмы рыночного саморегулирования с высокой степенью социальной защиты. Коэффициент Джини после перераспределения составляет около 0,29 [24]. Система налогообложения в Германии прогрессивна, при этом значительное внимание уделяется перераспределению через механизмы здравоохранения, страхования по безработице и пенсионного обеспечения. Особое значение придается дуальной системе профессионального образования, которая снижает уровень безработицы и поддерживает занятость среди молодежи [25].

Китай с конца 1990-х годов реализует масштабную программу сокращения бедности. Хотя коэффициент Джини в стране остается высоким (в 2023 г. – около 0,465), с 2000 по 2020 год из состояния крайней бедности было выведено свыше 800 млн человек [26]. Ключевыми механизмами выступили: «точечная» помощь на местном уровне, государственные программы переселения, развитие сельской инфраструктуры и использование цифровых платформ для выявления нуждающихся [27].

Адаптация зарубежных практик в российском контексте требует учета институциональных ограничений. Высокий уровень недоверия к институтам, пространственная неоднородность и слабая налоговая база затрудняют внедрение универсальных решений. Однако возможно использование следующих элементов: – усиление прогрессии налогообложения на сверхдоходы и имущество; – развитие системы профессионального образования по немецкой модели; – внедрение цифровой платформенной инфраструктуры предоставления адресной помощи; – использование китайского подхода к региональной мобилизации и комплексному развитию депрессивных территорий.

Сравнительный анализ международного опыта в области снижения доходного неравенства позволяет выявить эффективные практики, применяемые в странах с различным уровнем экономического развития, политическими системами и культурными традициями. В Таблице 1 обобщены подходы трех государств – Швеции, Германии и Китая – представляющих различные модели социальной политики.

Таблица 1. Международный опыт сокращения неравенства и возможности адаптации в Российской Федерации

Table 1. International experience in reducing inequality and adaptation opportunities in the Russian Federation

Страна	Коэффициент Джини (после трансфертов)	Ключевые инструменты	Особенности модели	Применимость в Российской Федерации
Швеция	~0.27	Высокие налоги, пособия, бесплатные базовые услуги	Инклюзивное социальное государство с высоким доверием	Ограничена из-за низкого доверия и институциональной базы
Германия	~0.29	Прогрессивное налогообложение, профобразование, занятость	Сбалансированное сочетание рынка и социальной поддержки	Частично применима – через образование и занятость
Китай	~0.465	Целевая помощь, цифровая платформа, сельская модернизация	Централизованное управление с акцентом на развитие	Высока – цифровизация, целевые программы и мобилизация

Как следует из представленного сравнения, универсальных рецептов борьбы с неравенством не существует. Однако все три кейса подтверждают, что успешная социальная политика должна сочетать фискальную устойчивость, институциональную эффективность и долгосрочные инвестиции в человеческий капитал. Для России актуальными являются элементы китайской и немец-

кой моделей – прежде всего цифровизация помощи, региональное выравнивание и развитие профессионального образования. При этом реализация шведского подхода требует предварительного формирования высокого уровня доверия к государству и зрелости институтов, что пока остается задачей долгосрочной перспективы.

4. Conclusions / Заключение

Проведенный анализ позволил выявить, что высокая степень дифференциации доходов в современной России оказывает всестороннее влияние на общественные и экономические процессы. Среди основных последствий можно выделить социальную поляризацию, снижение потребительской активности, рост недоверия к институтам, а также эрозию человеческого капитала. Эти эффекты носят не только экономический, но и институциональный, культурный и демографический характер.

Смягчение доходного неравенства в России возможно не за счет разовых выплат и административного контроля, а через структурную перестройку модели социального государства, обеспечивающую равные стартовые условия, эффективные каналы социальной мобильности и прозрачную систему поддержки уязвимых групп населения.

Список источников

1. Вебер М. Хозяйство и общество. – М.: Юрист, 1994. – С. 209–213.
2. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. – 2001. – Т. 2, № 3. – С. 60–73.
3. Мониторинг социального самочувствия россиян. РАНХиГС, 2024. URL: <https://www.ranepa.ru> (дата обращения: 23.11.2025).
4. Росстат. Уровень бедности в 2024 году. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 23.11.2025).
5. Доклад «Риски социальной уязвимости в России». – М.: ИНСАП РАНХиГС, 2024. – 69 с.
6. Wilkinson R., Pickett K. The Spirit Level: Why Greater Equality Makes Societies Stronger. – London: Penguin Books, 2010. – 288 p.
7. Высшая школа экономики. Неравенство в доступе к высшему образованию. URL: <https://www.hse.ru/data/edu/reports> (дата обращения: 23.11.2025).
8. Аналитический центр при Правительстве РФ. Обзор состояния системы здравоохранения в РФ, 2024.
9. Минстрой России. Ежегодный доклад о состоянии жилищной сферы, 2023. URL: <https://minstroyrf.gov.ru/docs> (дата обращения: 23.11.2025).
10. Росстат. Коэффициент Джини в 2024 году. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 23.11.2025).
11. Вести. Росстат: в 2024 году уровень неравенства вырос. URL: <https://www.vesti.ru/article/4392652> (дата обращения: 23.11.2025).
12. Левада-Центр. Опрос о социальной справедливости. 2024. URL: <https://www.levada.ru> (дата обращения: 23.11.2025).
13. Stiglitz J. The Price of Inequality. – New York: Norton, 2012.
14. ВЦИОМ. Социальные ожидания россиян. 2024. URL: <https://wciom.ru> (дата обращения: 23.11.2025).
15. World Bank. Migration and Development Brief 2023. URL: <https://data.worldbank.org> (дата обращения: 23.11.2025).
16. Федеральный закон от 23.11.2020 № 372-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса РФ».
17. Минфин РФ. Пресс-релиз о результатах прогрессивного налогообложения. 2022. URL: <https://minfin.gov.ru> (дата обращения: 23.11.2025).
18. ПФР / СФР. Публичные отчеты о мерах поддержки семей с детьми. 2023. URL: <https://sfr.gov.ru> (дата обращения: 23.11.2025).
19. Национальный проект «Семья». Официальный сайт. URL: <https://национальныепроекты.рф/new-projects/semya/> (дата обращения: 23.11.2025).
20. Росстат. Данные об изменении МПОТ и ПМ. 2024. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 23.11.2025).
21. Счетная палата РФ. Анализ цифровизации социальной политики. 2023. URL: <https://ach.gov.ru> (дата обращения: 23.11.2025).
22. OECD Income Inequality Database // Organisation for Economic Co-operation and Development. URL: <https://www.oecd.org/social/income-distribution-database.htm> (дата обращения: 23.11.2025).
23. Skatteverket – Swedish Tax Agency. Official Portal. URL: <https://www.skatteverket.se> (дата обращения: 23.11.2025).
24. Destatis. Income and Living Conditions in Germany. 2023 // Statistisches Bundesamt (Federal Statistical Office). URL: <https://www.destatis.de> (дата обращения: 23.11.2025).

25. Bundesinstitut für Berufsbildung (BIBB). Duales Ausbildungssystem. URL: <https://www.bibb.de> (дата обращения: 23.11.2025).

26. World Bank. China's Poverty Reduction Strategy. 2022 // The World Bank. URL: <https://www.worldbank.org> (дата обращения: 23.11.2025).

27. United Nations Development Programme. China: Eradicating Poverty through Digitalization. 2023. URL: <https://www.undp.org> (дата обращения: 23.11.2025).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© 2025 Авторы. Издательство Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева. Эта статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Авторы

Доценко Елена Юрьевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры политической экономики и истории экономической науки

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова

117997, Москва, Стремянный переулок, д. 36

e-mail: ktyf110372@yandex.ru

Богданова Эмилия Сергеевна – студент 2 курса Высшей школы права (факультет)

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова

117997, Москва, Стремянный переулок, д. 36

e-mail: bogdanowa.amiliya@yandex.ru

References

1. Weber M. Hozyajstvo i obshchestvo [Economy and Society]. Moscow: Jurist, 1994. pp. 209-213.
2. Bourdieu P. Formy kapitala [Forms of Capital]. Ekonomicheskaya sociologiya = Economic Sociology. 2001. Vol. 2, 3. pp. 60–73.
3. Monitoring social'nogo samochuvstviya rossiyan. RANHiGS, 2024 [Monitoring the Social Well-Being of Russians. RANEPa, 2024]. URL: <https://www.ranepa.ru> (last access: 23.11.2025).
4. Rosstat. Uroven' bednosti v 2024 godu [Poverty Level in 2024]. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (last access: 23.11.2025).
5. Doklad «Riski social'noj uyazvimosti v Rossii» [Report: Risks of Social Vulnerability in Russia]. Moscow: INSAP RANHiGS, 2024. 69 p.
6. Wilkinson R., Pickett K. The Spirit Level: Why Greater Equality Makes Societies Stronger. London: Penguin Books, 2010. 288 p.
7. Vysshaya shkola ekonomiki. Neravenstvo v dostupe k vysshemu obrazovaniyu [Higher School of Economics. Inequality in Access to Higher Education]. URL: <https://www.hse.ru/data/edu/reports> (last access: 23.11.2025).
8. Analiticheskij centr pri Pravitel'stve RF. Obzor sostoyaniya sistemy zdavoohraneniya v RF, 2024 [Analytical Center under the Government of the Russian Federation. Review of the state of the healthcare system in the Russian Federation, 2024].
9. Minstroy Rossii. Ezhegodnyj doklad o sostoyanii zhilishchnoj sfery, 2023 [Ministry of Construction of the Russian Federation. Annual report on the state of the housing sector, 2023.]. URL: <https://minstroyrf.gov.ru/docs> (last access: 23.11.2025).
10. Rosstat. Koefficient Dzhini v 2024 godu [Rosstat. Gini coefficient in 2024]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (last access: 23.11.2025).
11. Vesti. Rosstat: v 2024 godu uroven' neravenstva vyro [Vesti. Rosstat: Inequality Increased in 2024]. URL: <https://www.vesti.ru/article/4392652> (last access: 23.11.2025).
12. Levada-Centr. Opros o social'noj spravedlivosti. 2024 [Levada Center. Social Justice Survey. 2024]. URL: <https://www.levada.ru> (last access: 23.11.2025).
13. Stiglitz J. The Price of Inequality. New York: Norton, 2012.
14. VCIOM. Social'nye ozhidaniya rossiyan. 2024 [VTsIOM. Social Expectations of Russians]. URL: <https://wciom.ru> (last access: 23.11.2025).
15. World Bank. Migration and Development Brief 2023. URL: <https://data.worldbank.org> (last access: 23.11.2025).
16. Federal'nyj zakon ot 23.11.2020 № 372-FZ "O vnesenii izmenenij v chasti pervuyu i vtoruyu Nalogovogo kodeksa RF" [Federal Law of 23.11.2020 No. 372-FZ "On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation"].
17. Minfin RF. Press-reliz o rezul'tatah progressivnogo nalogooblozheniya [Ministry of Finance of the Russian Federation. Press release on the results of progressive taxation. 2022]. 2022. URL: <https://minfin.gov.ru> (last access: 23.11.2025).

18. PFR / SFR. Publichnye otchyoty o merah podderzhki semej s det'mi. 2023 [Pension Fund of the Russian Federation / SFR. Public reports on measures to support families with children. 2023]. URL: <https://sfr.gov.ru> (last access: 23.11.2025).
19. Nacional'nyj proekt "Sem'ya". Oficial'nyj sajt [National Project "Family." Official website]. URL: <https://nacional'nyeproekty.rf/new-projects/semya/> last access: 23.11.2025
20. Rosstat. Dannye ob izmenenii MROT i PM. 2024 [Rosstat. Data on changes in the minimum wage and subsistence minimum. 2024]. URL: <https://rosstat.gov.ru> (data obrashcheniya: 09.11.2025).
21. Schetnaya palata RF. Analiz cifrovizacii social'noj politiki. 2023 [Accounts Chamber of the Russian Federation. Analysis of the digitalization of social policy. 2023]. URL: <https://ach.gov.ru> (last access: 23.11.2025).
22. OECD Income Inequality Database // Organisation for Economic Co-operation and Development. URL: <https://www.oecd.org/social/income-distribution-database.htm> (last access: 23.11.2025).
23. Skatteverket – Swedish Tax Agency. Official Portal. URL: <https://www.skatteverket.se> (last access: 23.11.2025).
24. Destatis. Income and Living Conditions in Germany. 2023 // Statistisches Bundesamt (Federal Statistical Office). URL: <https://www.destatis.de> (last access: 23.11.2025).
25. Bundesinstitut für Berufsbildung (BIBB). Duales Ausbildungssystem. URL: <https://www.bibb.de> (last access: 23.11.2025).
26. World Bank. China's Poverty Reduction Strategy. 2022. The World Bank. URL: <https://www.worldbank.org> (last access: 23.11.2025).
27. United Nations Development Programme. China: Eradicating Poverty through Digitalization. 2023. URL: <https://www.undp.org> (last access: 23.11.2025).

Conflicts of Interest

The authors declare no conflict of interest.

© 2025 The Authors. Published by T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University. This is an open access article under the CC BY license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Authors

Elena Yu. Dotsenko – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Political Economy and History of Economic Science

Plekhanov Russian University of Economics

117997, Moscow, 36 Stremyanny lane

e-mail: ktyf110372@yandex.ru

Emilia S. Bogdanova – 2nd year student at the Higher School of Law (Faculty)

Plekhanov Russian University of Economics

117997, Moscow, 36 Stremyanny lane

e-mail: bogdanowa.amiliya@yandex.ru

